
ЗВЕЗДА
НЕВОЗМОЖНОГО
СПЛАВА
МЕГИОН
ЭЛЬМИРА ШАБУРОВА

Эльмира Шабурова

Звезда невозможного сплава

«Автор»
2026

Шабурова Э.

Звезда невозможного сплава / Э. Шабурова — «Автор», 2026

В секретной лаборатории физики и археологии изучают загадочный артефакт — двенадцатигранную звезду из редкого сплава. Случайность меняет всё: из-за пролитого кофе и короткого замыкания открывается портал в параллельный мир, где магия сильнее технологий, а пришельцев из "технического" мира считают скверной.Отряд исследователей и военных отправляется на разведку и сталкивается с древними законами иного мира. А когда они возвращаются, становится ясно: кто-то незаметно проскользнул следом. В небе сталкиваются боги, и один из них, младший сын Бога войны, падает у портала. Так начинается путь, в котором придётся искать беглянку — дочь Бога Истины — и доказывать её невиновность перед высшим судом.Это история не о великой битве миров, а о выборе: остаться в легендах или построить обычную жизнь. О том, как случайный поступок меняет судьбы, а сила проявляется не в могуществе, а в умении беречь дом и тех, кто рядом.

© Шабурова Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛ А В А 1 6
ГЛ А В А 2 10
ГЛ А В А 3 14
ГЛ А В А 4 17
ГЛ А В А 5 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Эльмира Шабурова
Звезда невозможного сплава

ГЛАВА 1

Скальпель против инопланетного сплава — аргумент так себе, но на сороковом метре под землей, когда до планового отключения дизеля остается двадцать минут, выбирать особо не приходится.

Анна Лебедева скребнула стальным острием по матовой грани центрального постамента. Металл поддался неохотно, оставив на полированной поверхности лишь белесый след, похожий на черту от школьного мелка. Контактный щуп, прижатый к зачищенному участку, равнодушно показал на дисплее мультиметра

жирный ноль. Ни ома. Ни милли-

вольта. Двенадцатилучевая звезда, вмурованная в бетонный круг посередине зала Сектора Б, вела себя так, словно ее отлили из самого обычного садового шлака.

— И это наш главный козырь перед москвичами? — голос майора Доронина прокатился по бетонному своду раньше, чем он сам спустился по железной лестнице.

Майор шел не спеша, методично постукивая эмалированной кружкой по перилам — этот металлический перезвон действовал Анне на нервы хуже любого зуммера. За пазухой у Доронина явно лежал свежеподписанный акт, а на скулах играли желваки человека, которому надоело охранять пустое место за казенный счет.

— Они не понимают методики

замера, — Анна указательным пальцем поправила съехавшие на кончик носа очки в тонкой проволочной оправе. — У сплава нулевая проводимость только в пассивном режиме. Стоит дать правильную частоту накачки, и кристаллическая решетка…

— Лебедева, понюхай воздух, — перебил майор, останавливаясь у кромки защитного барьера. Он потер переносицу, прищурившись на дымящийся блок питания. — Паленой изоляцией тянет за версту. У тебя счетчик крутится как пропеллер у «Ми-восьмого», а на выходе — бублик с маком. Комиссия полчаса назад закрыла протокол: метеоритный шлак, класс опасности нулевой, перспектива применения — ноль. Утром приедет бригада с автогенами, распилят твою шестеренку на сувениры для генштаба и закроют лавочку.

— Это не метеорит! — Анна шагнула вперед, сжимая скальпель так, что побелели костяшки. — Посмотрите на углы сопряжения граней. Ни один природный болид не дает симметрии двенадцатого порядка с допуском в микрон. Ценность этой вещи не в том, можно ли из нее наточить бронебойных сердечников, товарищ майор! Это слепок чужой инженерии, возраст которой старше наших первых городов!

В дальнем углу зала, за шкафами с самописцами, раздалось приглушенное чертыхание. Там, пристроившись на ящике из-под ЗИПа, сидел Витёк. Ведомственный охранник, приставленный к секретному объекту исключительно потому, что его дядя служил в тыловом управлении округа, занимался делом государственной важности: он тряс в воздухе старенький кнопочный телефон, обмотанный по корпусу синей изолентой. Из недр аппарата тянулся самодельный проводок с крокодильчиками, намертво прищепленными к клеммам резервного лабораторного щитка.

— Ловись, зараза, — бубнил Витёк, вытягивая шею к вентиляционной шахте. — Ну хоть одно деление… Мамка же обещала позвонить, спросить, поел ли я.

— Самойлов, я тебе эту антенну в одно место засуну! — рявкнул Доронин, но без прежнего задора, скорее по привычке. — Отставить панику и самодеятельность. Собирайте манатки, Лебедева. Ровно в полночь рубильник пойдет вниз, и я лично опечатаю гермодверь.

Анна хотела ответить, уже набрала в грудь воздуха, бормоча про себя формулу фазового сдвига, как вдруг стоящий на стойке осциллограф тонко, по-комариному пискнул. Зеленая

синусоида на экране дернулась, вытянулась в острый вертикальный пик, похожий на кардиограмму при инфаркте, и с сухим щелчком погасла.

Лампы дневного света под потолком мигнули, на секунду погрузив зал в густую черноту, а следом зажглись тусклые красные плафоны аварийного освещения. Тяжелый гул трансформаторов оборвался. В наступившей тишине было слышно только, как где-то под потолком мерно капает конденсат из вентиляционной трубы.

— Доигралась, наука, — глухо произнес Доронин в багровом полумраке. — Пойду проверю автомат на галерее. Если выбило общую линию, до утра будете сидеть при фонариках.

Тяжелые берцы майора загрохотали вверх по железным ступеням, и тяжелая дверь тамбура лязгнула, отрезая лабораторию от остального бункера.

Анна стояла у обесточенного стенда, глядя на мертвый экран осциллографа, и чувствовала, как к горлу подкатывает холодная, липкая злость. Семь месяцев расчетов, три тысячи страниц отчетов, выбитых с боем у президиума академии — и все это уперлось в сгоревший предохранитель и упрямство человека, который мерит вселенную калибром патрона.

Она медленно повернула голову в угол, где в красном свете аварийных ламп белело веснушчатое лицо Витька. Охранник замер с телефоном в одной руке и треснувшей керамической кружкой в другой.

— Самойлов, — голос Анны прозвучал пугающе тихо. — Что

это на клавиатуре анализатора?

— Где? — Витёк вытянул шею и нервно посмеялся. — А, это… Да я ж чисто случайно, Анна Сергеевна. Сухарики ржаные ел, с чесноком. Они крошатся, заразы, хуже песка.

— Ты подключил свой телефон к вторичному контуру стабилизации?! — Анна сделала два быстрых шага к щитку, разглядев тонкую медную жилу, вкрученную прямо в гнездо высокоточного делителя напряжения. — Ты хоть понимаешь, что это измерительная шина, а не прикуриватель в «Жигулях»?! Ты мне весь контур перекосил!

— Да я ж чисто случайно провода перепутал! — Витёк вскочил с ящика, прижимая кружку к синему кителю, и начал пятиться спиной к центру зала, подальше от разъяренной ученой. — Там темно было, надписи стертые… Я думал, это просто розетка на двенадцать вольт, как в дежурке! Сейчас отцеплю, честное слово, секунду!

— Не смей дергать нагорячую, конденсаторы не разряжены! — крикнула Анна, бросаясь следом.

Витёк, глядя исключительно на руки Анны, сделал еще один широкий шаг назад. Каблук его мягкого рабочего ботинка зацепился за толстый, в руку толщиной, медный кабель заземления, протянутый от постамента к стене.

Дальше все покатилось под откос с неизбежностью груженого самосвала на гололеде.

Витёк взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. Треснувшая кружка выскользнула из потных пальцев, перевернулась в воздухе и глухо стукнулась о бетонный край постамента. Густой, остывший, до приторности сладкий кофе пополам с дешевым цикорием широкой бурой волной плеснул прямо в центральное углубление двенадцатилучевой звезды.

— Твою ж… — выдохнул Витёк, падая на колени.

Анна замерла на месте, ожидая снопа искр, короткого замыкания или хотя бы едкого дыма. Но ничего не произошло. Напротив — произошло нечто, от чего все ее знание физики разом превратилось в макулатуру.

Матовая, серо-стальная поверхность сплава, только что не поддававшаяся закаленной стали скальпеля, жадно втянула бурую жидкость, словно пересохшая летняя глина вбирает первые капли дождя. На гладком металле не осталось ни единого развода, ни капли влаги — только тонкая, едва заметная бороздка в центре углубления вдруг вспыхнула густым, чистым лазурным светом.

— Отойди, — прошептала Анна, не узнавая собственного голоса. — Самойлов, замри и не дыши.

Но Витёк уже тянулся вперед, пытаясь поймать соскальзывающий с его плеча телефон. Провод натянулся, вырвал крокодильчики из щитка, и обмотанный синей изолентой аппарат с сухим, костяным стуком упал аккурат в центр звезды, перекрыв металлическим ободком антенны светящийся лазурный желоб.

Тонкий гул, похожий на звук мокрой стеклянной рюмки, по краю которой ведут пальцем, ударил по ушам. Лазурное свечение мгновенно побежало от центра по всем двенадцати лучам, заливая вытравленные на гранях знаки слепящим белым огнем. Сталь постамента начала раскаляться на глазах: серая матовость сменилась вишневым багрянцем, а спустя секунду металл засиял ровным, нестерпимым белым калением. При этом ни один датчик температуры на стойках даже не пискнул — стрелки термометров застыли на отметке плюс восемнадцать.

Тяжелая дверь на галерее распахнулась с таким грохотом, словно ее выбили тараном.

— Всем лежать! — рявкнул Доронин, сбегая по ступеням с пистолетом наготове. В красном свете аварийных ламп его лицо казалось высеченным из темного гранита. — Сработала объемная сигнализация периметра! Эвакуация сектора, живо наверх!

— Не стреляйте! — Анна бросилась к металлическому ящику с инвентарем, выхватила длинные диэлектрические щипцы и кинулась обратно к постаменту. — Нельзя нарушать контур механическим ударом!

Она попыталась подцепить щипцами телефон Витька, который теперь лежал посреди раскаленного белого круга и, как ни странно, даже не плавился. Едва кончики щипцов приблизились к центру звезды, по ним пробежала сухая фиолетовая искра, выбив инструмент из рук Анны.

А в следующую секунду она увидела экран старенькой «Нокии».

Паутина трещин на дешевом пластике вспыхнула глубоким, бархатным ультрамарином. Внутри этого света, прямо поверх разбитого дисплея, заплясали крошечные золотистые нити, сплетаясь в сложный, живой узор, от которого у Анны заломило виски. Звезда перестала отдавать тепло — напротив, от раскаленного добела металла вдруг потянуло таким лютым, пронизывающим холодом, что на бетонном полу мгновенно выступили узоры изморози.

— Лебедева, назад! — Доронин схватил ее за плечо, пытаясь оттащить к лестнице. — Самойлов, подъем, мать твою!

Раздался сухой, короткий щелчок, похожий на выстрел мелкокалиберной винтовки. Один из двенадцати зубьев звезды, тот самый, что смотрел на север, отломился у самого основания и отлетел прямо под ноги Анне.

Она даже не успела подумать — сработал многолетний рефлекс полевого археолога, привыкшего спасать находки при обвале раскопа. Анна присела, подхватила тяжелый, ледяной на ощупь осколок, обжигающий ладонь морозом сквозь ткань комбинезона, и сунула его в глубокий боковой карман на бедре, застегнув молнию прежде, чем майор успел опустить взгляд.

— Я сказал, на выход! — Доронин рванул ее за рукав, но сам же споткнулся, вскидывая свободную руку к уху.

Воздух в лаборатории вдруг потерял привычную легкость. Он сжался, уплотнился, навалился на барабанные перепонки тяжелой, ватной тишиной, в которой глохли даже крики майора. Свет редких красных ламп потянулся к центру зала, вытягиваясь в длинные багровые нити, словно пламя свечи на сквозняке. Мелкий мусор, обрывки бумаг, сухарики из пачки Витька — все это оторвалось от пола и со свистом устремилось к постаменту, исчезая вслепую у самой поверхности звезды.

А потом посередине зала, в двух шагах от постамента, раздался оглушительный треск — будто гигантскими руками разом разорвали полотнище плотного брезента.

В пустом воздухе, прямо над бетонным полом, разодралась вертикальная каплевидная щель. Она не светилась, как плазма, и не дымила, как пожар — она просто разрезала пространство надвое, обнажая за собой непроглядную, бездонную темноту, в которой мелькали редкие лиловые сполохи.

Ударная волна ледяного ветра вырвалась из разлома, сбив Доронина с ног и опрокинув тяжелые металлические шкафы с самописцами. В замкнутый, пропахший горелой изоляцией и затхлым бетоном бункер ворвался чужой, невозможный запах — горький аромат сухой степной полыни, примятого ковыля и высокогорного льда.

Под ногами глухо, утробно загудел монолитный бетон. Стены лаборатории пошли мелкой, злой дрожью, от которой зазвенели стекла в очках Анны — низкочастотный гул нарастал, поднимаясь из самой глубины земли, и ни один сейсмограф в мире не смог бы перевести этот звук в понятные человеку цифры.

ГЛАВА 2

— Третий взвод, на рубеж! Первое отделение, пулемет на бруствер! — голос Доронина, усиленный металлическим раструбом громкоговорителя, метался между бетонными стенами, вязнув в тяжелом гуле дизеля.

Майор стоял на промежуточной площадке шлюзовой галереи, вцепившись шероховатыми пальцами в скобу ограждения. Сверху, из темноты лестничного марша, уже гремели тяжелыми ботинками бойцы дежурного караула. Четверо парней в полевых разгрузках, на ходу досылая патрон в приёмники тяжелых «Печенегов», вкатывали на стальной распределительный пятак двуногий станок. Черный, хищный ствол лег точно в створ вертикальной световой щели.

Витёк Самойлов, вжавшись спиной в распределительный щит, сжимал в руке обесточенную рацию и испуганно хлопал глазами, пока мимо него протаскивали цинки с патронами.

— Товарищ майор, кабели расплавились! — крикнул сверху младший сержант, свешиваясь с перила. — Из изоляции сопли жидкие текут! Телефонная жила на КПП — в труху, радиостанция на дежурке молчит, только треск идет, как от сухого валежника! Внешняя линия отрезана, мы в глухой изоляции!

Доронин даже не повернул головы. Его широкая, обтянутая оливковым кителем спина оставалась неподвижной.

— К бою, — отчеканил он, чеша переносицу сухожилистой ладонью. — Всякое дерьмо, что вылезет из этой дыры, фаршировать свинцом без предупреждения. Лебедева, ушла с линии огня!

Анна не сдвинулась с места. Она стояла в двух шагах от пульсирующего края разлома, удерживая в руках длинную телескопическую указку с примотанной синей изолентой миниатюрной проводной камерой. Провод тонкой черной змейкой тянулся к тяжелому переносному монитору, который она прижала к бедру.

— Вы не имеете права стрелять в неизвестность, Доронин! — крикнула она, поправляя съехавшие на кончик носа очки указательным пальцем. — Это геометрический сдвиг пространства, а не прорыв диверсионной группы! Контур держится на фазовом резонансе. Попробуйте только применить автоматическое оружие — динамический удар пороховых газов сорвет тонкую структуру!

— Я имею приказ локализовать прорыв, Анна Сергеевна! — Доронин быстро сбежал по ступеням, встал рядом и навел тяжелый «Макаров» прямо в лазурное нутро щели. — И пока эта чертовщина пахнет полынью, а не нашими уставными инструкциями, для меня это объект класса «Вектор». Назад, я сказал!

— Смотрите на экран! — Анна ткнула пальцем в тусклый кинескоп.

Она осторожно выдвинула алюминиевый шест, вводя объектив камеры прямо в фиолетовую марево портала. Экран монитора задрожал, по серому стеклу побежали белые горизонтальные полосы, а затем картинка на мгновение очистилась.

На три короткие секунды в глубине лабораторного бункера распахнулся иной мир. Не темнота, не бездна и не железные постройки. На маленьком экране горело бескрайнее, нестерпимо чистое лиловое небо, по которому неслись рваные перламутровые облака. Внизу, насколько хватало глаз, катилось высокое, серебристое море ковыля, гнущееся под пронзительным степным ветром. В этом ветре не было ни гари, ни машинного масла — только прохлада и неоглядная древняя пустота.

— Мать твоя... — выдохнул пулеметчик у бруствера, подавшись вперед.

На четвертой секунде стеклянный колпак камеры внутри разлома затрещал. На экране проскочила слепящая золотая искра, кинескоп монитора с сухим хлопком лопнул, осыпав комбинезон Анны мелкими зеркальными осколками. В тот же миг под потолком с тоскливым звоном затихла аварийная шлюзовая сирена. Красные плафоны погасли. Запасные аккумуляторы на стенах, расчетный ресурс которых составлял двенадцать часов работы, потеряли весь заряд в одну секунду, превратившись в бесполезные свинцовые чушки.

Лабораторию затопило багровым полумраком, исходящим от раскаленной двенадцатилучевой звезды, да слабым лазурным светом самого разлома.

— Закрывай! — заорал Доронин, поворачиваясь к ручному приводу тяжелого гермозатвора. — Самойлов, крути штурвал! Пошла броня!

Витёк вцепился в чугунные спицы колеса аварийного перекрытия, напрягаясь всем телом. Тяжелая трехтонная плита со скрежетом сорвалась с фиксаторов и пошла по направляющим рельсам, намереваясь намертво отрезать Сектор Б от остального комплекса.

Анна мгновенно метнулась вперед и встала ровно в створе закрывающихся стальных створок, растопырив руки и упершись ладонями в холодный металл.

— Не сметь! — ее голос сорвался на звонкий, почти девчоночий фальцет, но в нем прорезалась сталь, которой Доронин от нее никогда не ожидал. — Если плита перережет узел пространственной связки, разность потенциалов разнесет весь бункер до самого верхнего горизонта! Мы сгорим в микроволновом резонансе за долю секунды! Вы хотите похоронить полсотни человек ради своего уставного страха?!

Доронин замер, уперевшись взглядом в ее тонкую фигуру в испачканном смазкой комбинезоне. Его челюсть сжалась так, что на желваках заходили желтые желваки.

— Лебедева, угомонись, — тихо произнес он, и в этой тихости звучала смертельная усталость. — Если эта хрень разовьется, спасать будет некого.

— Дайте мне десять минут! — Анна выпрямилась, поправляя очки. — Контур нестабилен, он сам закроется, когда телефон Самойлова полностью отдаст заряд или расплавится! Не трогайте гермозатвор!

Они стояли друг против друга — сухой, проживший две войны майор с пистолетом в опустевшей руке и тонкая женщина-физик, заслоняющая собой чужое небо. В багровом полумраке обесточенного шлюза слышалось только тяжелое дыхание солдат и тихий, глубокий гул, идущий из самого сердца разлома.

Зорина не падала — она вывалилась.

Пространство закрутилось вокруг нее ледяным, колючим волчком, а потом оборвалось, швырнув её грудью на твердую, шершавую поверхность. Воздух здесь пах не полынью и не привычной горной свежестью Первомира. Он был тяжелым, спертым, пропитанным мерзкой гарью жженой резины, немытыми человеческими телами и кислым духом застоявшейся воды.

Она попыталась подняться на локтях, но ноги не послушались. Тяжесть этого чужого мира навалилась на плечи так, будто на нее обрушилась каменная сводчатая плита отцовского святилища. Каждая кость в теле отозвалась глухим, ноющим треском, суставы налились чугуном. Плотность плоти в этом низком, ограниченном бетоном пространстве сжалась, лишая привычной легкости шага, к которой она привыкла за столетия жизни под открытым небом.

— Замри! Стрелять буду! — рявкнул над головой чеканный, хриплый голос.

Зорина прижала ладонь к полу, чувствуя под пальцами не мягкий дерн и не тёплый мрамор, а холодную, въевшуюся в бетон грязь. Чужой свет — тусклый, багровый, искуственный — резал глаза. В пяти шагах от нее стояли фигуры в странных, серо-зеленых панцирях из плотной ткани. В руках они держали вороненые железные трубы, нацеленные ей прямо в грудь.

Зорина медленно подняла голову. Каштановые пряди высыпались из-под роговой шпильки, заставив ее прищуриться. Страх, привычный страх загоняемой дичи, накрыл ее ледяной волной, но следом поднялась древняя, выученная годами гордость Оракула.

Ствол автомата в руках ближайшего солдата дрогнул. Майор Доронин сделал шаг вперед, щелкнув затвором.

Зорина тронула пальцами ключицу, где под тканевым воротником льняной рубахи жгло свежее клеймо, и коротко шепнула на древнем праязыке Первомира всего одно слово — *«Замкни»*.

Слово не прозвучало громко. Оно сорвалось с ее губ сухим шелестом падающей сухой хвои, но воздух между ней и людьми словно уплотнился. Внутри казенника майорского автомата что-то сухо щелкнуло. Стальная пружина подавателя мгновенно потеряла упругость, превратившись в мягкую проволоку, а латунная гильза в патроннике застряла намертво, перекосившись намертво в окне выброса.

Доронин сдавленно выругался, рванул затвор на себя, но металл не поддался. Соседний пулеметчик попытался взвести курок, но тяжелый затвор его «Печенега» заклинило с тем же тупым, деревянным звуком.

— Что за... — Доронин отбросил бесполезный автомат в сторону и выхватил из кобуры ножевой штык, становясь в боевую стойку. — Самойлов, назад! Лебедева, за меня!

Но Анна уже не слушала майора. Она медленно опустилась на колени прямо в грязь шлюзового пола, не сводя глаз с упавшей беглянки.

Она увидела не монстра, не биоугрозу из иных сфер и не подготовленного диверсанта в маскировочном костюме. Перед ней на бетонных плитах лежала молодая женщина. Ее многослойный плащ цвета лесной хвои был разорван на плече, простые кожаные сапоги испачканы чужой степной глиной, а в сжатых пальцах левой руки она отчаянно, до побелевших костяшек, сжимала горсть сухого, перепутанного ковыля.

Но главное были глаза. Не человеческие по глубине, орехово-карие, они не несли в себе злобы. В них читалась только дикая, запредельная усталость человека, который бежал слишком долго и больше не имеет сил сделать ни единого шага.

— Она живая, — пробормотала Анна. — Доронин, опустите железо. Она же едва дышит!

Анна быстро расстегнула пуговицы своего полевого комбинезона, сорвала с плеч тяжелое армейское суконное одеяло, лежавшее на ящике с инструментами, и сделала шаг вперед.

— Не подходи! — выдохнула Зорина на искаженном, но странно понятном людям славянском наречии, пытаясь отползти назад к пульсирующей щели. — Не трогай... Вы отдадите меня ему...

— Никто тебя никому не отдаст, — тихо сказала Анна.

Она не стала протягивать руки вперед, чтобы не напугать беглянку, а просто опустилась рядом и мягко накинула серое грубое одеяло на дрожащие плечи девушки, прикрывая разорванный плащ.

Зорина вздрогнула от прикосновения сухой шерсти. Она посмотрела на очковые оправы Анны, на ее взъерошенный узел темных волос, на усталые hazel-глаза за линзами — и вдруг замкнулась. Ее подбородок упрямо дернулся вверх, губы сжались в узкую нить. Она укуталась в одеяло, словно в броню, опустила взгляд на свои сапоги и больше не произнесла ни слова, превратившись в немую каменную статую посреди гулкого бетонного бункера.

В лабораторном зале Сектора Б пахло чаем из зверобоя и остывшим бетоном.

Доронин шагал от стены к стене, не снимая тяжелых берцев. Ручной фонарь в его руке выхватывал из багровой темноты то шкафы с приборами, то застывшую у постамента двенадцатилучевую звезду. Портал за их спинами немного утих — светящаяся щель сузилась до размеров дверного проема, но продолжала дышать прохладным полынным сквозняком.

Зорина сидела на низком деревянном ящике из-под ЗИПа. Анна присела перед ней на корточки, держа в руках прозрачный пластиковый стаканчик с теплой водой из электрочайника и пару штучек сухого галетного печенья из армейского пайка.

— На, выпей, — мягко произнесла Анна. — Это просто вода. Обычная, кипяченая.

Зорина долго не шевелилась. Затем ее тонкие, испачканные травой и въевшимся соком трав пальцы медленно протянулись к пластику. Она поднесла стаканчик к носу, сделала осторожный вдох, проверяя состав, и едва заметно расслабила плечи — вода была чистой, без яда и заклятий. Сделав мелкий глоток, она с легким ошеломлением покрутила в руках легкий, упругий пластик, явно никогда в жизни не видяшая подобного материала.

— Итак, — Доронин остановился перед ней, скрестив руки на груди. — Повторяю вопрос для протокола. Имя, звание, принадлежность к сопредельному государству или исследовательской группе. Как вы proпikли на охраняемый объект «Дельта»?

Зорина медленно подняла на него тяжелый взгляд.

— По правде говоря, — ее голос прозвучал тихо, но удивительно сочно, заполняя весь зал глубоким певучим альтом, — у твоего дома нет стен, строитель. А у меня больше нет имени, которое стоило бы выкрикивать на площадях. — Без философии, гражданка, — чеканил майор, трущий переносицу. — Вы нарушили государственную границу. Кто вы такая?

Зорина опустила стаканчик на колени и горько хмыкнула, качнув головой:

— Та, чье слово еще вчера стоило царств и направляло полки на смерть... А теперь не стоит и корки этого сухого хлеба.

Анна поправила очки и подалась ближе. Ее взгляд уперся в воротник льняной рубахи гостьи. Из-за отворота ткани, прямо на нежной коже у основания шеи, пробивался едва заметный, угасающий фосфоресцирующий свет. Это был свежий ожог — идеальный, въевшийся в плоть отпечаток двенадцатилучевой звезды. Такой же, как тот, что лежал сейчас на постаменте.

— Вы активировали матрицу с той стороны? — быстро спросила Анна, бормоча под нос: — Значит, пространственный геодезический резонанс был задан извне... Вы искали именно этот бункер?

Зорина взглянула на Анну с внезапным уважением, в котором сквозила печаль:

— Я искала место, где механический шум железных вещей заглушит голоса моих богов. Но я опоздала.

Витёк, стоявший у дверей с пачкой сухариков, нервно посмеялся:

— Да ладно вам, девчонки, она же просто контуженная после взрыва...

Договорить он не успел.

Из сузившегося, но все еще открытого пространственного разлома в глубине зала донесся звук. Это был не шум ветра и не шорох ковыля.

По ту сторону границы, за сотни верст степного простора Первомира, раздался тяжелый, размеренный шаг. Почва по ту сторону щели содрогнулась, и этот удар откликнулся в бункере глухим, металлическим гулом. С потолка лаборатории сыпалась мелкая бетонная крошка, зазвенели оставшиеся целыми колбы на полках.

Шаг. Еще один. Тяжелый, кованый, весящий не одну тонну, сопровождаемый сухим, ритмичным звоном бронзовых пластин ламеллярного доспеха.

Зорина мгновенно бледнела. Ее стаканчик с водой выскользнул из рук, сминаясь на полу, а пальцы метнулись к ключице, судорожно вжавшись в ткань.

— Он идет, — прошептала она, и в ее певучем голосе впервые прорезался смертельный, парализующий ужас. — Огнелид... Он нашел след.

В глубине портала над безмолвной, скрытой мраком степью раздался такой сухой, раскатистый удар грома, от которого у всех присутствующих в лаборатории до боли завибрировали кости.

ГЛАВА 3

Третий час ночи по бункерному времени пах гарью расплавленной проводки и остывшим заварным зверобоем. Доронин стоял у оружейной пирамиды в шлюзовом отсеке, методично выкладывая на стальной стол все, в чем пряталась хоть капля микросхем или пружинной стали, подвластной чужому заклятию. Заклинившие автоматы отправились в ящик для утиля первыми.

— Никаких цифровых прицелов, тепловизоров и штатных станций связи, — чеканил майор, с хрустом проверяя затвор старого охотничьего карабина со скобой Генри, который пылился в резерве еще со времен консервации объекта. Механика простая, как топор: рычаг, курок, боек. — Берем ручные динамо-фонари «Жучок», механические секундомеры, бухту капронового шнура и укладку полевой аптечки. Пойдете налегке. Если там, за ленточкой, электроника дохнет быстрее, чем таракан от дихлофоса, лишний груз нам ни к чему.

Витёк, привалившийся плечом к косяку гермодвери, сглотнул и нервно посмеялся, комкая в пальцах пустой пакет из-под сухариков:

— Товарищ майор, так я ж... я вообще по штату контролер пропускного режима. У меня и допуск только до второго периметра. Может, я здесь останусь? Буду, так сказать, тыловое обеспечение держать, если вдруг свет дадут...

Доронин медленно повернул голову, потер переносицу большим и указательным пальцами и посмотрел на охранника так, что у того сразу подкосились колени.

— Отставить панику, Самойлов. Оставить тебя здесь одного у открытого разлома — это все равно что посадить кота сторожить сметану. В прошлый раз ты заварил цикорий и устроил нам конец света. Хватит. Впрягаешься в грузовую тележку с шанцевым инструментом и бухтой троса. Идешь замыкающим.

— Есть, замыкающим, — уныло вздохнул Витёк, хватаясь за холодные металлические поручни двухосной тележки, на которой уже лежали саперная лопатка, лом, канистра с питьевой водой и ящик с запасными батареями, которые майор взял скорее по привычке, чем из надежды.

Анна стояла у самого края световой пелены, подтягивая лямки полевого рюкзака. Лабораторный комбинезон она сменила на утепленную брезентовую куртку, но очки в тонкой металлической оправе по-прежнему поправляла привычным быстрым движением указательного пальца. Рядом с ней замерла Зорина — уже без армейского одеяла, в своем темно-зеленом дорожном плаще, стянутом у горла.

— Послушай меня, строитель, — негромко произнесла гостья, обращаясь не к майору, а к Анне, и осторожно коснулась ее ладони своими прохладными, пахнущими сухой травой пальцами. — Вы берете с собой железо с черным песком внутри. По правде говоря, в моем мире оно бесполезно. Если небо над степью нальется гневом титанов, ваш порох не взорвется. Он просто вспыхнет синим дымом, как мокрый хворост, и обожжет вам руки.

Доронин хмуро покосился на карабин в своих руках, но промолчал, лишь туже затянул ремень ножевого штыка на поясе.

— Принято к сведению, — кивнула Анна. Она расстегнула нагрудный карман и вытащила потертый латунный цилиндр. — Дедовский горный компас. Никакой электроники, чистый магнетизм и стрелка на агатовой игле.

Она откинула крышку. Вороненая стрелка не замерла на севере, как полагалось по законам земной геофизики. Она дернулась, словно живая рыба на крючке, и принялась описывать ровные, неторопливые круги по часовой стрелке, четко отбивая какой-то чужой, ритмичный пульс, совпадающий с низким гулом за световой завесой.

— Магнитные полюса там либо смещены, либо постоянно дрейфуют, — быстро пробормотала Анна себе под нос, прикидывая угловую скорость вращения. — Идем по азимуту входа. Разматываем трос от самого шлюза, чтобы не потерять точку возврата.

— Смирно! Равнение на выход! — скомандовал майор, перехватывая карабин наизготовку. — Дистанция три метра. Лебедева за мной, гостья в центре, Самойлов — не отставать и не греметь железом. Шагом марш.

Доронин первым сделал шаг вперед. На самой границе бетонного порога его тактический жилет издал короткий, предсмертный писк — сработал встроенный датчик биометрии, который тут же погас, намертво вырубив индикацию. Нагрудная рация в плечевом кармане шипнула сухим статическим разрядом и замолчала навсегда. Световой занавес сомкнулся за их спинами с мягким, шелестящим вздохом, отрезая бункер от остального мира.

Первым, что ударило Анну в лицо по ту сторону пелены, был не холод и не свет. Это был запах.

Она сделала два неуверенных шага, споткнулась о невидимую в полумраке кочку и упала на колени прямо в густую, высокую траву. Очки едва не слетели, но она даже не подумала их поправить, судорожно глотая воздух. После спертого, пропитанного мазутом, бетонной пылью и хлоркой бункера этот воздух казался почти невыносимым в своей первозданной чистоте. В нем не было ни грамма бензиновой гари, ни следа промышленного дыма — только горькая свежесть раздавленной полыни, озоновая прохлада высокогорья и терпкий дух прогретой за день земли.

— Лебедева, подъем! Не рассиживаться! — рявкнул Доронин, но его голос прозвучал странно глухо, словно утонув в бесконечном пространстве.

Майор резко обернулся, вскидывая карабин, и замер. Там, откуда они только что вышли, не было ни бетонного портала, ни гудящей двенадцатилучевой звезды. Посреди серебристого моря травы висела лишь узкая, вертикальная полоска зеркального марева — тоньше лезвия бритвы, едва заметная на фоне темнеющего горизонта. Только тугой капроновый шнур, уходящий прямо в эту дрожащую нить, доказывал, что проход в их мир все еще существует.

— Вот это да... — выдохнул Витёк, бросив ручки тележки и завороженно озираясь. — Красотища-то какая...

Он наклонился и с мальчишеским восторгом ухватился за высокий серебристый стебель ковыля, дернув его на себя. В ту же секунду охранник взвыл и отдернул руку. Плотная брезентовая перчатка на его правой ладони оказалась рассечена ровным, глубоким порезом от указательного пальца до самого запястья, будто он схватился не за степную травинку, а за натянутую струну из закаленной стали.

— Руки убери, придурок! — рявкнул Доронин, бросаясь к нему с аптечкой. — Ничего не трогать без приказа!

Анна медленно поднялась с колен, чувствуя, как к горлу подкатывает внезапная, ледяная тошнота. Всю жизнь она провела в городах, лабораториях и подземных штреках, где горизонт всегда упирался в стену, крышу или линию лесополосы. Здесь же неба было слишком много. Оно нависало над головой колоссальным, бездонным куполом, где медленно догорали вечные сумерки — густой янтарь у самого края земли плавно перетекал в тяжелый, бархатный фиолет зенита. От этого немыслимого, ничем не ограниченного простора закружилась голова, а ноги налились свинцом, будто земля под подошвами вот-вот опрокинется в пустоту.

Только Зорина стояла среди этого безмолвия совершенно прямо. Она сбросила с головы капюшон, закрыла глаза и вдохнула полной грудью. Плечи ее расправились, с них словно спал невидимый груз земной тяжести, давивший на нее в бетонном подземелье. Когда она снова открыла глаза, в них не осталось ни тени прежней растерянности беглянки — взгляд стал острым, пронзительным и жестким, как горный хрусталь.

Зорина подняла руку и указала на дальний край степи. Там, за сотню верст отсюда, из серебристой дымки поднимались в небо исполинские черные пики горного хребта, чьи вершины терялись в фиолетовых облаках.

— Там живут те, кто помнит рождение звезд, — произнесла она голосом, в котором звенела холодная, древняя сталь. — И те, кто уже идет по моему следу, жаждая моей крови.

Огнелид шел по гребню базальтового хребта, и с каждым его шагом камень под тяжелыми сапогами плавился, превращаясь в черное, шипящее стекло.

Он не сбавлял хода уже третью стражу. Ламеллярные пластины его доспеха, потемневшие от копоти бесчисленных битв и покрытые паутиной золотистых шрамов, тихо звенели в такт широкой, неумолимой поступи. С его плеч струился тяжелый жар, от которого придорожный ковыль вспыхивал сухими рыжими искрами, не успевая даже задымиться. Исполин в облике воина, он шагал сквозь вечные сумерки степи, вглядываясь пепельно-серыми глазами с тлеющими на дне зрачков углями в каждый излом рельефа.

Высоко над головой, разрывая фиолетовую высь, с оглушительным грохотом пронеслись три багровые колесницы Первояра. Их раскаленные колеса оставляли в небе широкие, кровоточащие полосы огня, выжигая редкие облака дотла. Карательный отряд его старших братьев прочесывал степь, не жалея ни камня, ни травы.

Огнелид остановился на краю обрыва и сжал до хруста в суставах рукоять тяжелого меча. Он знал, за что ее приговорили. Зорина не предавала род и не крала священных реликвий. Ее единственной виной было то, что перед лицом всего Совета она, Око Правды, назвала великие завоевательные походы отца тем, чем они были на самом деле — бессмысленной, кровавой бойней ради тешения гордыни. За это ее объявили отступницей. А его самого, осмелившегося замедлить удар казни и позволить ей уйти в разлом, сбросили следом как бракованный клинок, недостойный носить имя рода войны.

Он спустился в неглубокую лощину, где ветер еще не успел замести следы, и замер.

Среди примятого серебристого ковыля, рядом с легким отпечатком мягкого дорожного сапога Зорины, в сырую землю глубоко врезался чужой след. Грубый, четкий, с глубоким геометрическим рисунком рифленой подошвы тяжелого армейского берца. Огнелид опустился на одно колено, коснулся пальцами вмятины в грунте и коротко, глухо хмыкнул. В запахе этого следа не было магии — только запах мертвой резины, железа и пота смертных строителей, посмевших ступить в заповедную степь.

В тот же миг воздух над головой разорвал пронзительный клекот.

С черных небес, оставляя за собой шлейф белых искр, камнем рухнул ястреб, сотканный из чистого, слепящего пламени. Птица не коснулась земли — она рассыпалась в трех шагах от воина снопом раскаленных углей, которые сложились в воздухе в пылающий знак Первояра, и воздух загудел тяжелым, властным голосом отца:

— След найден, отступник. Чужой мир осквернил границу. Сожги его дотла вместе с изменницей и теми, кто дал ей кров. Искупи свой позор огнем, или сгоришь первым.

Пламя погасло, оставив после себя лишь едкий запах серы и черную, выжженную воронку в земле. Огнелид медленно поднялся во весь рост, глядя туда, где в низине едва заметно дрожала узкая щель в чужой, беззащитный мир, и его пальцы снова сомкнулись на эфесе меча.

ГЛАВА 4

Ветер со стороны черных пиков ударил в лицо сырой, колючей крупой — не снегом и не дождем, а мелкой ледяной пылью, от которой моментально заныли скулы. Анна втянула голову в воротник лабораторного комбинезона и поправила указательным пальцем очки, на стеклах которых тут же осели крошечные, идеально круглые капли. Позади глухо скрипнуло колесо хозяйственной тележки: Витёк, перехватив ручки обмотанной бинтом правой рукой, чертыхался сквозь зубы, вытаскивая завязшее в ковыле колесо.

Поселение выросло перед ними из низины внезапно, словно его вырезали из самого сланцевого склона. Высокий частокол из потемневших, обожженных на концах бревен полукругом охватывал подножие трех острых, как клыки зверя, скал. Над массивными воротами из мореного дуба, стянутыми широкими полосами тусклого серого металла, слабо светились нанизанные на колья фонари — не электрические и не масляные, а заправленные чем-то густым, тлеющим ровным зеленоватым пламенем.

Едва отряд приблизился к утоптанной тропе на сотню шагов, над верхним венцом частокола бесшумно поднялись семь фигур в тяжелых шкурах и войлочных плащах. Сухо щелкнули тетивы. Длинные тисовые луки изогнулись дугой, и на острие каждой стрелы вспыхнул холодный, ядовито-зеленый огонек ограненного горного кварца, отбрасывая мертвенные блики на обветренные лица стрелков.

— Стой! Ни с места! — рявкнул Доронин, мгновенно вскидывая карабин со скобой Генри к плечу.

Анна краем глаза уловила, как напрягся его указательный палец на спусковом крючке, и тут же шагнула ближе, вполголоса бросив:

— Товарищ майор, не стрелять. Если порох вспыхнет синим дымом прямо в стволе, вы останетесь без кисти, а мы — без последнего аргумента. И посмотрите на наконечники: это пьезокварц под высоким остаточным зарядом. При ударе он даст дуговой разряд.

Доронин медленно, с явной неохотой опустил ствол к земле, но руку с шейки приклада не убрал. Витёк замер за тележкой, нервно хмыкнул и втянул шею в плечи так, что воротник куртки почти закрыл ему уши.

— Опустить стволы, — глухо скомандовал майор, не сводя взгляда с центральной бойницы. — Без команды не дергаться. Самойлов, убери руки с железа, я сказал!

Вперед вышла Зорина. Темно-зеленый плащ на ее плечах полоскался на порывистом ветру, словно крылья крупной птицы. Она не спеша откинула капюшон, открыв лицо, и подняла пустые ладони на уровень груди, так что свет зеленых фонарей упал прямо на ее ключицу, где под воротом льняной туники едва заметно темнел край клейма.

— Успокойте тетивы, сыны Каменных Зубьев, — заговорила она. Ее низкий, певучий альт перекрыл свист ветра, хотя она даже не повысила голоса. Слова звучали непривычно — округлые, чеканные, лишенные всякой спешки, но Анна с удивлением поймала себя на том, что понимает каждый звук без перевода, будто смысл входил напрямую в сознание, минуя слуховой нерв. — Я ступаю по земле Срединного Круга без огня и без меча. По правде говоря, за моей спиной идет лишь буря небес и те, кто дал мне кров, не спросив моего имени.

Один из стрелков на стене вздрогнул, его лук дернулся вниз. Надвратная калитка со скрипом приоткрылась, и на утоптанную землю перед воротами вышел глубокий старик в длинном тулупе, расшитом по подолу костяными пластинами. Он долго вглядывался в лицо Зорины подслеповатыми, слезящимися от ветра глазами, затем перевел взгляд на ее ключицу — и тяжелый посох с глухим стуком выпал из его скрюченных пальцев.

Старик рухнул на колени прямо в холодную грязь тропы, ударившись лбом о землю.

— Око Правды... — засипел он, и в его голосе смешались древний ужас и слепое благоговение. — Око вернулось в нашу долину... Не карай нас, владычица, мы исправно платили десятину зерном и рудой, мы не укрывали беглых...

Зорина побледнела так, что на скулах проступили резкие тени. Она в два быстрых шага подошла к старику, подхватила его под локти с неожиданной для ее хрупкого сложения силой и рывком подняла на ноги.

— Встань, — жестко сказала она, не выпуская его плеч, пока тот не выпрямился. — Никогда больше не падай ниц перед моим родом. Слышишь меня, старик? В моем голосе больше нет приговоров, и я не требую от тебя ни клятв, ни жертв. Нам нужен только кров до рассвета, пока небо над степью не выгорит дотла.

Старейшина растерянно моргнул, глядя в ее строгие карие глаза, где не было ни капли привычного для богов высокомерия. Затем он медленно кивнул, поднял посох и трижды ударил им в окованную металлом створку ворот.

Тяжелые засовы загремели изнутри. Две половины ворот из мореного дуба со стоном разошлись в стороны, открывая узкий, пахнущий дымом и овчиной проход внутрь укрепления. Экспедиция шагнула под защиту стен, а позади них в непроглядной фиолетовой ночи уже прокатился первый, утробный раскат далекого грома.

Засов на главных воротах задвинули на два оборота тяжелого бруса, но майор Доронин все равно не расслабился ни на секунду. Пока Витёк затаскивал тележку с припасами под навес у крайнего сруба, майор поднялся по скрипящей деревянной лестнице на боевой настил и принялся методично осматривать частокол.

Укрепление было сработано на совесть, но по меркам любой земной полевой фортификации годилось разве что против конного набега или дикого зверя. Бревна в два обхвата, вкопанные с легким наклоном наружу, зазор между кольями забит глиной с рубленой травой, узкие щели бойниц на уровне груди. Против крупного калибра, минометного огня или тем более против летающих огненных колесниц, о которых говорила гостья, эта деревяшка вспыхнет как спичечный коробок за тридцать секунд.

Доронин потер переносицу, прикидывая сектор обстрела, и наклонился к ближайшему угловому столбу, чтобы проверить крепость крепления. И тут же замер.

Массивные поперечные балки стягивали между собой широкие, тускло-серые клинья. Никаких следов ковки, ни заклепок, ни ржавчины — металл был абсолютно гладким, матовым, словно поглощающим зеленоватый свет факелов. Майор достал из ножен штык-нож и легонько стукнул обухом по грани клина. Вместо ожидаемого железного звона раздался низкий, бархатистый гул, от которого слегка заныли пломбы в коренных зубах. Точно такой же, какой издавала та проклятая двенадцатилучевая железяка в Секторе Б за секунду до прорыва.

— Старый осколочный металл, воин, — негромко произнес оказавшийся рядом караульный, опираясь на длинное копье. — Деды выкапывали его из-под корней Каменных Зубьев. Он не гнется под молотом и не горит в горне, но держит бревно лучше любого дуба.

Доронин молча кивнул и спустился во двор. В центре поселения горел широкий очаг, обложенный плоскими валунами. Вокруг огня уже успели сбиться местные — женщины в грубых шерстяных платках, несколько бородатых мужчин и трое чумазых ребятишек, которые с нескрываемым любопытством разглядывали забинтованную ладонь Витька.

Сам охранник сидел на перевернутой кадке и с сосредоточенным видом возился с тяжелой деревянной зернотеркой, у которой сорвало крепежный хомут верхнего жернова. Рядом стояла сухонькая старуха в расшитом переднике, причитая себе под нос.

— Да не волнуйся ты так, бабуля, сейчас мы ей вторую жизнь дадим, — бормотал Витёк, выуживая из кармана комбинезона потертый велосипедный ключ «семейник», который таскал

с собой еще со времен подработки в гаражах. — У вас тут резьба, конечно, не по ГОСТу, но принцип рычага Архимед для всех один придумал.

Он завел зуб ключа в паз кривого железного штыря, уперся коленом в обод и с кряхтением провернул тугую гайку на два оборота. Деревянная рама встала на место с четким, плотным щелчком. Витёк крутанул ручку — жернов пошел ровно, без перекоса и скрежета. Мальчишки у костра засмеялись и захлопали в ладоши, а старуха всплеснула руками и тут же сунула ему в здоровую левую руку теплую глиняную чашу с густым, пахнущим дымком козьим молоком.

— Во, другое дело, — просиял Витёк, осторожно прихлебывая через край. — Лучше вашего цикория в сто раз, товарищ майор, честное слово!

Доронин сдержанно хмыкнул и присел на бревно неподалеку от Анны. Ученая устроилась у самого края света от костра и методично чертила угольком на широком куске белой бересты колонки цифр и векторов.

— Ну что, Лебедева, сошлась бухгалтерия? — негромко спросил майор, стягивая с правой руки тактическую перчатку. — Почему у меня боец с порезанной ладонью уже тележку одной рукой таскает и не морщится?

Анна подняла голову, поправила очки и ткнула угольком в нижнюю строчку своих расчетов:

— Плотность атмосферы здесь на двенадцать процентов выше земной, а парциальное давление кислорода почти идеальное, без примесей. Но дело не только в воздухе. Посмотрите на гравитационный коэффициент — падение камня идет быстрее, энергия механического импульса рассеивается жестче. Зато фоновое электромагнитное поле работает как катализатор клеточной регенерации. Метаболизм ускорен почти вдвое.

Доронин посмотрел на свою раскрытую ладонь. Старый, грубый белесый рубец от осколка гранаты, тянувшийся через весь бугор Венеры еще со второй командировки, стал едва различимым — жесткая рубцовая ткань рассосалась, уступив место ровной, свежей розовой коже.

Майор медленно сжал и разжал кулак. Никакой привычной тянущей боли в сухожилии.

Тем временем к костру подошла Зорина. Она опустилась на корточки рядом с Анной, протянув озябшие ладони к живым языкам пламени. Отблески огня плясали на ее скулах и чернильных пятнах на пальцах.

— Ты спрашивала в бункере, как я нашла вашу дверь, строитель, — тихо заговорила Зорина, глядя прямо в угли. — По правде говоря, я не бежала от казни вслепую. Я сама настроила голос Звезды на ваш мир. Столетиями мой отец и старшие братья заставляли меня стоять перед войском и именем Истины освящать каждую новую бойню. Каждое мое слово превращалось в повод сжечь еще один город. Я искала место, где гул вашего железа и мертвого камня заглушит шепот пантеона. Я просто хотела замолчать навсегда.

Анна молча накрыла ее холодную ладонь своей, и в этой тишине, нарушаемой лишь треском сухих поленьев и негромким смехом детей у костра, впервые за всю ночь исчезло напряжение чужаков, запертых в одной клетке.

Глубокая ночь опустилась на долину Каменных Зубьев плотным, вязким молоком. Туман выползал из расщелин сланцевых скал, затапливая низину и гася зеленоватые огни над частоколом до тусклых, расплывчатых пятен. В поселении все стихло: утомившиеся за день люди спали в теплых срубах, а у притушенного очага дежурили лишь двое караульных с копьями да укутанный в тулуп Витёк, мирно посапывающий у колеса тележки.

Зорина бесшумно скользнула к малой калитке в северной стене. Она знала, что времени не осталось. Воздух за стенами пах не только сыростью и полынью — в нем уже висел тяжелый, сухой привкус раскаленной меди, который она узнала бы из тысячи.

Караульный у калитки дернулся, вскидывая копье, но Зорина лишь приложила палец к губам и тихо прошептала на древнем наречии:

— Открой засов. Если я останусь внутри, к рассвету от ваших стен не останется даже пепла.

Молодой степняк побледнел, помялся, глядя на ее суровое, неподвижное лицо, и беззвучно отодвинул деревянную щеколду.

За частоколом мир тонул в белой пелене. Зорина прошла тридцать шагов по влажному ковылю к подножию священного камня — огромного черного монолита, вросшего в землю у самой тропы. Она остановилась, расправила плечи и скрестила руки на груди, глядя в густеющую мглу перед собой.

Туман впереди шевельнулся и разошелся так, словно его разрезали раскаленным клинком. Из белой дымки выступил Огнелид.

Он выглядел так, словно прошел сквозь само пекло небесной кузни. Темные пластины его ламеллярного доспеха были покрыты черной копотью и свежими бороздами от огненных бичей старших братьев, а на дне пепельносерых глаз тяжело тлели багровые угли. В правой руке он держал обнаженный меч, с лезвия которого в сырую траву с шипением падали редкие искры.

Зорина не отступила ни на шаг. Она даже не коснулась ключицы, хотя сердце стучало о ребра тяжелыми, гулкими ударами.

— Ты пришел доделать начатое, брат? — ее голос прозвучал в тумане ясно и ровно, без единой ноты страха. — В прошлый раз ты замедлил клинок, чтобы дать мне уйти. Скажи мне правду: ты снова готов стать палачом только ради того, чтобы заслужить кивок одобрения от старика, который давно сжег собственную душу?

Огнелид замер в пяти шагах от нее. Жар, исходивший от его тела, растапливал туман вокруг, образуя прозрачный круг чистого воздуха. Мышцы на его скулах напряглись, золотистый шрам на челюсти резко проступил в отблесках собственного пламени. Острие тяжелого меча опустилось на полдюйма к земле.

— Первояр видел следы твоих новых спутников, Зорина, — глухо ответил он низким, скрежещущим баритоном. — Смертные строители осквернили границу. Если к восходу солнца я не принесу к престолу твою голову и пепел этого убежища, карательные колесницы выжгут все девять долин до самого основания.

— Спрячь клинок, иномирянин, — раздался сбоку хриплый, спокойный голос.

Из тумана у края частокола вышли майор Доронин и Анна. Майор держал карабин наизготовку, направив ствол точно в сочленение нагрудных пластин великана, а Анна сжимала в руке латунный горный компас, стрелка которого теперь металась в корпусе как бешеная.

Огнелид медленно повернул голову. Он окинул взглядом две крошечные, по меркам его рода, человеческие фигуры в странных серых и оливковых одеждах, коротко, глухо хмыкнул и уже открыл рот, чтобы приказать смертным убираться прочь.

И в ту же секунду ночной небосвод над их головами раскололся с оглушительным, сухим треском ломающегося льда.

Черные тучи над Каменными Зубьями вспыхнули изнутри багровым, ядовитым заревом. Воздух над самым частоколом мгновенно раскалился докрасна, обжигая легкие при каждом вдохе, а внизу, за дубовыми воротами поселения, истошно, захлебываясь от первобытного ужаса, завыли сторожевые собаки. Сквозь прореху в небесах, оставляя за собой шлейфы черного пепла и вонючей серы, в долину камнем падала стая крылатых тварей разлома, посланная по следу огненного титана.

ГЛАВА 5

Первая тварь врезалась в утоптанную землю перед воротами, подняв фонтан искр и сухого ковыля. Она напоминала волчью тушу, вылепленную из ноздреватого раскаленного шлака, с кожистыми перепонками вместо передних лап и слепой черепной коробкой, сквозь трещины которой сочился багровый свет.

Огнелид шагнул вперед, заслоняя собой Зорину и смертных строителей. Тяжелый двуручный клинок описал слепящую дугу, с хрустом рассекая шлаковый хребет чудовища от загривка до крестца. Половинки туши рухнули в траву, шипя и рассыпаясь горстями черного пепла, но следом сверху обрушились еще четверо.

— Назад! За частокол! — рявкнул Огнелид, принимая на широкую перекладину меча удар костяных когтей.

Смрадный дым, вырвавшийся из пасти твари, ударил ему прямо в лицо. Огнелид дернул головой, но ядовитая гарь мгновенно обожгла глотку и вгрызлась в легкие сухим, удушающим спазмом. В родном мире его божественная плоть поглощала любой огонь, обращая его в ярость мышц, но здесь, под тяжелым небом чужой долины, жар гнева Первояра не питал — он жрал изнутри. Огнелид закашлялся, выплюнув на броню сгусток темной сажи, и клинок в его правой руке ощутимо потяжелел.

— К воротам! Стенкой! — перекрывая рев пламени, скомандовал майор Доронин.

Он уже не держал на прицеле титана. Рывком передернув скобу Генри, майор вскинул карабин и всадил тяжелую свинцовую пулю точно в открытую пасть ближайшего крылатого волка, пытавшегося перемахнуть через заостренные бревна частокола. Голову твари разнесло фонтаном раскаленных осколков.

— Охотники, по суставам бей! Не в грудь, в сочленения крыльев! — Доронин отступил на полшага, прикрывая Анну и Зорину, и снова дернул скобу.

Трое местных дозорных с длинными копьями, увенчанными мутными кристаллами пьезокварца, сомкнулись рядом с майором. Их наконечники загудели при приближении огненных тварей, высекая синие электрические дуги, от которых шлаковые шкуры монстров трескались, словно перегретое стекло.

Слева от калитки, за опрокинутой хозяйственной тележкой, завозился Витёк. Лицо у охранника было белым как мел, но пальцы действовали удивительно проворно. Он выдернул из ящика с припасами две пузатые глиняные фляги с густым горным дегтем, заткнутые промасленными тряпками, чиркнул дедовским кресалом и, размахнувшись, швырнул обе бутылки прямо под лапы трех тварей, наседавших на левое крыло частокола.

Деготь вспыхнул высоким чадным пламенем. Чудовища взвыли, запутавшись в горящей смоле — их собственный внутренний огонь вступил в реакцию с земным топливом, взрываясь снопами слепящих белых искр.

— Вот вам и технадзор, гады! — крикнул Витёк, пригибаясь за колесо от пролетевшего над головой горящего крыла.

Огнелид тем временем рубил уже пятую тварь, но каждый взмах давался через силу. Легкие горели, перед глазами плыли багровые круги, а пробитые в нескольких местах ламеллярные пластины на груди раскалились так, что ремни начали тлеть. Он не заметил шестую — самую крупную, спикировавшую с крыши караульной вышки бесшумно, как ночная сова.

Тяжелая туша обрушилась воину на спину, вминая его коленями в выжженную землю. Огнелид попытался перекатиться, но шлаковые лапы мертвой хваткой вцепились в его наплечники, а слепая морда хищника склонилась к его горлу, выдвигая из пасти длинное, раскаленное добела костяное жало.

Грохнул выстрел. Пуля калибра .45-70 ударила твари точно в основание шеи, вырвав кусок оплавленного панциря. Монстр дернулся, заваливаясь набок. Огнелид, собрав остаток сил, перехватил рукоять меча обеими руками и снизу вверх вспорол брюхо падающей твари, заливая землю черным пеплом.

В просторной бревенчатой избе старейшины пахло сушеной полынью, овчиной и горелым железом. Четверо здоровых степняков с трудом втащили Огнелида через порог и опустили на широкую дубовую лавку у погашенного очага. Доспех великана продолжал слабо шипеть — в тех местах, где горячие бронзовые пластины касались сухих половиц, дерево мгновенно темнело, пуская тонкие струйки едкого дыма.

— Уберите детей и принесите чистой воды. Много воды! — Анна опустилась на колени рядом с лавкой, рывком сдергивая молнию полевой аптечки.

Рана на левом плече и ключице выглядела скверно: костяное жало все-таки задело воина, оставив глубокий рваный разрыв, края которого не кровоточили привычной алой кровью, а медленно тлели, источая золотисто-багровое свечение и густой жар.

Анна откупорила пластиковый флакон с перекисью водорода и щедро плеснула прямо в рану. Жидкость вскипела мгновенно, превратившись в облако белого пара. Огнелид глухо зарычал сквозь стиснутые зубы, его широкая грудь выгнулась дугой.

— Держите его за плечи! — крикнула Анна, не отводя взгляда от раны. Она схватила стерильный марлевый тампон, прижала к пульсирующему краю разреза и тут же зашипела от боли — подушечки ее пальцев обожгло так, словно она схватилась за раскаленную сковороду. — Черт... у него температура тканей под двести градусов! Перекись испаряется раньше, чем успевает коагулировать сосуды!

Она стиснула зубы, перехватила кровоостанавливающий жгут Эсмарха пинцетом и начала туго перетягивать предплечье бога выше разрыва, стараясь не касаться кожи голыми руками. Резина жгута завоняла паленым, но натяжение выдержала.

Огнелид метался на лавке, сжимая края дубовой доски так, что сухая древесина трещала под его пальцами. Пепельно-серые глаза закатились, из потрескавшихся губ вырывались обрывки хриплых команд на древнем наречии — он снова был там, на огненных бастионах, под бичами старших братьев.

Зорина бесшумно опустилась у изголовья лавки. Она не стала мешать Анне, лишь осторожно положила обе ладони на раскаленный лоб Огнелида, закрывая собой свет тусклой сальной свечи.

— Слышишь меня, брат? — прошептала она, и ее ровный, певучий альт наполнил тесную избу чистой, прохладной вибрацией, похожей на звон горного ручья по гальке. — Бой окончен. Первояра здесь нет. Ты не в его кузне, ты под крышей смертных, которые не отдали тебя врагу.

От кончиков пальцев Зорины под кожу воина потекла тонкая серебристая искра. Она не гасила жар силой — она просто напоминала его разуму, кто он есть на самом деле. Судорога, сводившая скулы Огнелида, медленно отпустила. Его тяжелое, хриплое дыхание выровнялось.

Спустя минуту веки великана дрогнули и открылись. Первым, кого он увидел, была Анна — взмокшая, с выбившимися из пучка темными прядями, с обожженными пальцами и черной полосой сажи на щеке, все еще затягивающая узел бинта поверх резины. Огнелид медленно перевел взгляд на ее перепачканные руки, потом на Зорину и глухо, почти неслышно выдохнул:

— Странные вы твари, смертные строители... Слабые, как весенний тростник, а стоите крепче базальта.

Анна устало вытерла лоб тыльной стороной запястья, поправила очки указательным пальцем и уже потянулась за вторым бинтом, как вдруг ощутила странное шевеление у правого бедра. Она сунула руку в потайной карман полевого комбинезона и вытащила наружу отломанный северный зуб двенадцатилучевой звезды.

Одна крошечная капля золотисто-алой крови Огнелида, упавшая с ее пинцета на матовую серую грань металла, не скатилась вниз. Камень жадно втянул ее в себя, словно пересохшая губка. В ту же секунду мертвый сплав ожил: по граням пробежала тонкая ультрамариновая нить, а сам осколок в ладони Анны загудел на той самой низкой, бархатистой ноте, от которой замирало сердце.

К полудню туман над долиной рассеялся, но неба над головой так и не появилось. Вместо него висела плотная, душная пелена цвета запекшейся крови, сквозь которую тусклым медным диском просвечивало чужое солнце.

Огнелид сидел на каменном приступке у главного очага. Его левое плечо было туго перехвачено земными бинтами поверх грубой льняной повязки степняков, а снятая нагрудная пластина лежала рядом на земле — он не спешил надевать ее обратно.

Скрипнула тяжелая дубовая калитка. Во двор быстрым, деловым шагом вошел майор Доронин, держа в руке трофейную подзорную трубу местных дозорных из отполированного горного хрусталя.

— Докладываю обстановку, — хрипло произнес майор, останавливаясь перед очагом. — Наблюдатели с верхнего гребня Каменных Зубьев засекли движение за дальним хребтом. Семь колесниц. Идут широким фронтом, выжигая ковыль перед собой. До долины им хода часа четыре, не больше.

Зорина, стоявшая у стола с глиняными кувшинами, резко обернулась. Пальцы ее невольно коснулись ключицы, прямо над скрытым под воротом клеймом.

— Это авангард Первояра, — тихо сказала она, глядя на Огнелида. — Они не станут штурмовать частокол в лоб. Они просто сожгут воздух над долиной, как делали в девяти городах до этого. Нам нужно уходить в дверь строителей. Сейчас же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.